ЗМІСТ

Убийца сидит напротив: как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков

Подивитись анотацію та купити на **jurkniga.ua**

Анотація

Четыре уголовных дела и четыре опасных маньяка, которые без сочувствия и угрызений совести хладнокровно лишали жизни других людей. Кем они были до заключения и почему решились на убийства? В крошечной комнате для допросов бывший агент ФБР Джон Дуглас разговаривает с каждым из них и пытается понять, как зарождаются преступления.

Анализируя материалы дел, биографии и психологическое состояние убийц, он рассказывает о том, как они думают, и о том, что ими движет. Тускло освещенная комната, серые бетонные стены и маленькое зарешеченное окно. Сложность работы криминалиста не столько в том, чтобы выяснить кто и как совершает преступление, сколько в том, чтобы узнать ход мыслей преступника и предотвратить нарушение закона.

Джон Дуглас — бывший агент ФБР с 50-летним стажем посвятил этому всю свою жизнь. Находясь напротив холоднокровных убийц, он заставляет их рассказывать о своих мыслях и чувствах и пытается понять, что таится в их сознании.

ДЖОН ДУГЛАС
МАРК ОЛШЕЙКЕР

УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ

КАК В ФБР РАЗОБЛАЧАЮТ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ И МАНЬЯКОВ

Издательский дом
«С В А Р О Г»
Киев – 2023

УДК 343.9
Д 80

John Douglas and Mark Olshaker

THE KILLER ACROSS THE TABLE

Дуглас Джон, Олшейкер Марк

Д 80 Убийца сидит напротив: как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков / Джон Дуглас, Марк Олшейкер. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 360 с.

ISBN 978-966-370-734-1

Четыре уголовных дела и четыре опасных маньяка, которые без сочувствия и угрызений совести хладнокровно лишали жизни других людей. Кем они были до заключения и почему решились на убийства? В крошечной комнате для допросов бывший агент ФБР Джон Дуглас разговаривает с каждым из них и пытается понять, как зарождаются преступления. Анализируя материалы дел, биографии и психологическое состояние убийц, он рассказывает о том, как они думают, и о том, что ими движет.

Тускло освещенная комната, серые бетонные стены и маленькое зарешеченное окно. Сложность работы криминалиста не столько в том, чтобы выяснить кто и как совершает преступление, сколько в том, чтобы узнать ход мыслей преступника и предотвратить нарушение закона. Джон Дуглас — бывший агент ФБР с 50-летним стажем посвятил этому всю свою жизнь. Находясь напротив холоднокровных убийц, он заставляет их рассказывать о своих мыслях и чувствах и пытается понять, что таится в их сознании.

ISBN 978-966-370-734-1 УДК 343.9

Copyright © 2019 by Mindhunters, Inc. Published by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers. All rights reserved.
© Издательский дом «Сварог», 2023.

От авторов

Мнения, представленные в этой книге, принадлежат исключительно ее авторам и не отражают позицию ФБР или любой другой организации.

Фото, относящиеся к сюжетам этой книги, а также прочую информацию о Джоне Дугласе и других работах авторов можно найти на www.mindhuntersinc.com.

В маленькой комнате большого здания

Дело здесь не столько в том, кто это сделал?, а почему?

В конечном итоге, если мы разобрались с почему? и добавили к этому как?, то поймем и кто. Потому что почему? + как? = кто.

Задачи подружиться нет. Задачи стать врагом тоже нет. Задача - установить истину.

Это словесная и психологическая шахматная игра без фигур, бесконтактный спарринг, соревнование на выносливость, в котором каждая из сторон стремится воспользоваться слабостями и неуверенностью другой.

Мы сидим друг напротив друга за маленьким столом в тускло освещенной комнате с бетонными стенами, выкрашенными в серо-голубой цвет. Единственное зарешеченное окно в запертой стальной двери. Сквозь него с другой стороны за происходящим пристально наблюдает охранник в форме. Его задача - следить за соблюдением установленного порядка. В тюрьме строгого режима нет ничего важнее, чем это.

Мы сидим здесь уже два часа, и наконец момент настал.

- Мне нужно, чтобы вы своими словами описали то, что было двадцать пять лет назад. Как происходило то, из-за чего вы оказались здесь? Эта девочка, Джоан, - вы были знакомы с ней? - спрашиваю я.

- Ну, встречалась она мне по соседству, - отвечает он спокойно, ровным голосом.

Вернемся к моменту, когда она появилась на пороге. Расскажите, что происходило дальше, по порядку.

Это похоже на сеанс гипноза. В комнате тишина, и я наблюдаю, как он преображается на моих глазах. Кажется, что меняется даже его внешность. Поблуждав где-то за моей спиной, его взгляд упирается в голую бетонную стену. Он перемещается в другое время и в другое место, в некую историю о самом себе, которая неотступно преследует его.

В помещении очень свежо, и даже в костюме я едва не дрожу от холода. Но история, которую я попросил рассказать, заставляет его вспотеть. Отчетливо слышно, как тяжелеет его дыхание. Вскоре его тюремная роба намокает от пота, и видно, как под ней дрожат грудные мышцы.

Так, не глядя на меня, он и рассказывает всю историю, будто самому себе. Он там, в том времени и месте, и думает сейчас так же, как думал тогда.

В какой-то момент он вдруг обращается ко мне, смотрит прямо в глаза и говорит: «Джон, когда я услышал стук во входную дверь, посмотрел сквозь дверную сетку и увидел, кто за ней стоит, я уже знал, что убью ее».

Введение: экспертный опыт

Это книга об образе мыслей опасных маньяков. В ее основу легли мой четвертьвековой опыт работы в ФБР в качестве поведенческого психолога и следователя-аналитика, а также то, чем я занимался после своего ухода из Бюро.

Но на самом деле это книга о беседах, которые я вел. В конце концов, именно с них все для меня и началось. Благодаря этим разговорам я уяснил, что понимание образа мыслей агрессивного маньяка может помочь правоохранительным органам поймать его и отдать в руки правосудия. Это и подтолкнуло меня к поведенческому профайлингу.

Проводить беседы с содержащимися в тюрьмах осужденными за насильственные преступления я стал, исходя из соображений личной и служебной необходимостей. Во многом это было обусловлено стремлением понять глубинные мотивы преступников. Как и большинство свежеиспеченных сотрудников ФБР, я начинал уличным агентом. Моим первым местом службы был Детройт. С самого начала меня интересовало, почему люди преступают закон: не только сам факт противоправного действия, но и то, почему человек совершил данное конкретное преступление.

Детройт был сложным городом: в мою бытность там грабили аж по пять банков в день. Ограбления банков системы Федеральной корпорации страхования депозитов считаются федеральными преступлениями, входящими в юрисдикцию Бюро, так что многим агентам-новичкам в придачу к прочим обязанностям поручали расследовать и их. Как только мы брали подозреваемого и зачитывали ему его права (часто это происходило на заднем сиденье нашей служебной машины или полицейской патрульной), я засыпал его вопросами.

Зачем грабить банк, где с безопасностью все строго и все пишется на пленку, а не какой-нибудь магазин, где в кассе полно наличности? Почему именно это, а не любое другое отделение? Почему именно в этот день и час? Это было заранее спланированное ограбление или все произошло спонтанно? Вы сначала понаблюдали за этим банком и/или сделали пробный визит туда? Я мысленно систематизировал получаемые ответы и создавал неформальные «профили» типичных грабителей банков (хотя тогда этот термин еще не использовался). Я начал понимать различия между запланированными и незапланированными преступлениями и организованной и неорганизованной преступностью.

Дошло до того, что мы могли прогнозировать, какие отделения банков и когда будут грабить вероятнее всего. Так, мы понимали, что в районах, где много строек, банки будут грабить скорее всего в пятницу, ближе к полудню, когда в них будет много наличных для выплаты строительным рабочим. Эти знания мы использовали для того, чтобы в каких-то случаях усиливать защиту потенциальных целей преступников, а в других - устраивать засады, если считали, что сможем взять грабителей с поличным.

На втором месте службы, которым был город Милуоки, меня отправили на двухнедельный курс обучения переговорам с захватчиками заложников в новую ультрасовременную академию ФБР в Куантико, штат Вирджиния. Его вели спецагенты Говард Тетен и Патрик Муллани - первопроходцы в применении поведенческой психологии в практике работы Бюро. Их главная тема называлась

«Прикладная криминалистика» и была своего рода попыткой ввести научную психопатологию в криминалистику и обучение молодых агентов. Муллани считал переговоры с захватчиками заложников первым практическим применением прикладной криминалистики. Это был новаторский шаг

в борьбе с преступностью новой волны: угонами самолетов и ограблениями банков с захватом заложников, вроде того, которое случилось в Бруклине в 1972 году и послужило сюжетной основой фильма «Собачий полдень» с участием Аль Пачино. Было совершенно очевидно, что понимание происходящего в голове у взявшего заложников принесет огромную пользу переговорщику и в конечном итоге спасет человеческие жизни. Я проходил этот курс в числе примерно полусотни других спецагентов. Его преподавали впервые, и это был смелый и необычный эксперимент для ФБР. Над Бюро все еще нависала мрачная тень его легендарного директора Дж. Эдгара Гувера, скончавшегося всего за три года до этого.

Даже на склоне лет Гувер железной хваткой управлял учреждением, которое он, по сути, создал. Его практичный и хладнокровный подход к расследованию соответствовал содержанию известной фразы из телесериала «Облава»: «Только факты, мэм». Все должно было быть измерено и подсчитано: количество арестов, обвинительных приговоров, закрытых дел. Он никогда не принял бы чего-то настолько субъективного, индуктивного и излишне эмоционального, чем являлся поведенческий анализ. Это действительно полностью противоречило бы его убеждениям.

В Отделе поведенческого анализа меня заприметили еще во время прохождения курса переговоров с захватчиками заложников и еще до отъезда обратно в Милуоки официально предложили перевестись к ним на службу. Несмотря на название отдела, основной обязанностью работавших в нем девяти агентов было преподавание. В числе учебных курсов были «Прикладная криминалистика», «Переговоры с захватчиками заложников», «Практические проблемы полиции», «Управление стрессовыми ситуациями в полиции» и «Половые преступления». Последний мой замечательный коллега Рой Хэйзелвуд впоследствии переименовал в «Межличностное насилие».

Хотя уже в то время в академии формировалась модель обучения, основанная на трех «столпах»: преподавании, консультациях и исследовательской работе, - лучшие специалисты вроде Тетена консультировали неформально и вне рамок какой-либо учебной программы. Основное внимание на этих занятиях уделялось важнейшему для большинства следователей вопросу - мотиву. Зачем преступники идут на то, что они совершают, какими способами это делают и как понимание этого может помогать в их поимке? Главной методической проблемой был в целом теоретический характер учебного материала, поскольку агенты со стажем, проходившие обучение в Академии ФБР, обладали, очевидно, большим практическим опытом, чем преподаватели.

Это особенно сильно сказывалось на самом молодом из преподавателей, то есть на мне. Вот передо мной сидит учебная группа, состоящая из опытных детективов и офицеров, подавляющее большинство которых значительно старше меня по возрасту, и я, по идее, должен учить их психологии преступника, о которой у них уже сложилось представление из непосредственного опыта работы. Свой практический опыт я получил в основном в ходе совместной работы с видавшими виды профессионалами из Детройта и Милуоки, и мне казалось нахальством рассказывать таким же, как и они, людям о том, как им следует работать.

Постепенно многие из нас стали осознавать, что то, что вполне подходит психологам и психиатрам, не слишком востребовано работниками правоохранительных органов.

Тем не менее ко мне стали обращаться с такими же просьбами, как и к Тетену. На занятиях, в перерывах или даже в свободное вечернее время офицеры и детективы просили подсказать что-то или проконсультировать по рабочим вопросам. Если мы разбирали учебный кейс, напоминающий дело, которое расследовал кто-то из них, человек решал, что

ко мне можно обратиться за помощью. В их глазах я был непререкаемым авторитетом из центрального аппарата Федерального бюро расследований. Но так ли это было на самом деле? Я стал задумываться о том, что не помешало бы накопить полезную информацию и практические примеры. Это придало бы мне уверенности в том, что я действительно знаю, о чем говорю.

Осваиваться в новой для меня культуре учебного заведения и в преподавании мне помогал Роберт Ресслер. Он был примерно на восемь лет старше и перешел на преподавательскую работу относительно недавно. Он считал, что его задача заключается в том, чтобы, используя заложенные Тетеном и Муллани основы, развивать практику поведенческого анализа, которая будет лучше соответствовать нуждам управлений полиции и органов следствия. Самым эффективным способом передачи опыта новому преподавателю считалась выездная учеба. По просьбам местных полицейских управлений или других правоохранительных органов к ним приезжали преподаватели из Куантико, чтобы провести недельный курс занятий по отдельной теме учебного плана академии. На следующей неделе они проводили такие же занятия в каком-то другом месте, после чего возвращались домой с полными чемоданами грязного белья и воспоминаниями об одинаковых гостиничных номерах. В эти поездки мы отправлялись вместе с Бобом.

Как-то утром в начале 1978 года мы с Бобом уезжали из Сакраменто, штат Калифорния, где проводили очередную выездную учебу. В разговоре с ним я заметил, что преступники, о которых мы упоминаем в своих лекциях, по большей части еще живы и находятся в местах не столь отдаленных, где без труда можно их отыскать. Почему бы не встретиться и не побеседовать с некоторыми из них? Мы поймем, как они сами воспринимают содеянное, заставим их вспомнить и

рассказать нам, почему они пошли на это и что происходило в их головах в момент совершения преступления. Я считал, что попробовать не помешает, тем более что некоторым из них тюремная жизнь наверняка надоела и они будут рады возможности поговорить о себе.

В то время очень немногочисленные научные исследования заключенных сводились к темам эффективности меры наказания и условно-досрочного освобождения. При этом имевшиеся данные говорили о том, что агрессивные и склонные к самолюбованию заключенные в целом неисправимы. Мы рассчитывали, что, побеседовав с ними, сможем понять, действительно ли это так.

При всем своем изначальном скепсисе Боб согласился принять участие в этой безумной затее. Служба в армии и предшествовавший работе в Бюро опыт общения с бюрократией заставили его руководствоваться правилом: «Лучше потом попросить прощения, чем пытаться получить разрешение». Мы решили, что будем появляться в тюрьмах без предупреждения. В описываемое время удостоверения ФБР было достаточно для того, чтобы посетить тюрьму без предварительного разрешения. Заблаговременное предупреждение о нашем визите было чревато утечкой информации. Узнав, что кто-то из осужденных будет беседовать с парой федералов, остальные заключенные могли решить, что он стукач.

Мы заранее представляли себе, с какими позициями и идеями наверняка столкнемся в ходе этих бесед. Например:

- Все будут твердить о своей невиновности.
- В приговоре виноваты плохие адвокаты.
- Разговаривать с представителями правоохранительных органов не хочется.
- Сексуальные маньяки будут строить из себя просто одержимых сексом.

- Убийства не случилось бы, будь в этом штате предусмотрена смертная казнь за такое преступление.
- Жертвы преступлений сами виноваты.
- Это все из-за неблагополучного детства.
- Нам будут говорить, что знали, что правильно, а что нет, и понимали возможные последствия своих действий.
- С психикой все нормально.
- Серийные убийцы и насильники будут выглядеть умнейшими людьми.
- Педофилы и соблазнители малолетних - одно и то же.
- Серийными убийцами становятся, а не рождаются.

Ниже мы увидим, что некоторые из этих представлений оказались правильными, а некоторые - крайне далекими от действительности.

Удивительно, но подавляющее большинство из тех, кто был нам нужен, соглашались побеседовать. Основания для этого были самыми разными. Кто-то считал, что факт сотрудничества с ФБР положительно отразится на характеристике, и мы не возражали против такого мнения. Другие просто боялись отказать. Для многих заключенных, особенно самых отъявленных преступников, которых навещают очень нечасто, эти беседы были способом развеяться, поговорить с людьми с воли и провести пару часов вне камеры. Были и те, кто был настолько уверен в своей способности провести кого угодно, что видели в этих разговорах возможность блефовать в свое удовольствие.

В конечном итоге простая идея, возникшая в разговоре по пути из Сакраменто, превратилась в проект, ставший делом жизни для меня, Боба и других сотрудников Бюро, кто впоследствии присоединился к команде, и удачно дополнив-

ший арсенал средств борьбы с преступностью. Уже на первом этапе наших интервью с убийцами в числе изученных нами заключенных были душитель-фетишист Джером Брудес из Орегона, который любил обувать трупы своих жертв в босоножки на высоком каблуке из своего обширного женского гардероба; Монте Рисселл из Вирджинии, в подростковом возрасте изнасиловавший и убивший пятерых женщин; и «убийца 44 калибра» Дэвид Берковиц, известный также как «Сын Сэма», который терроризировал Нью-Йорк на протяжении 1976-го и 1977-го годов.

Со временем я и мои коллеги из Куантико побеседовали и со многими серийными убийцами и маньяками, в том числе с убившим множество молодых женщин Тедом Банди и Гэри Хейдником, пытавшим и убивавшим женщин в подвале своего филадельфийского дома. Черты характера обоих были использованы писателем Томасом Харрисом в его «Молчании ягнят». То же относится и к Эду Гину, с которым я беседовал в психиатрической больнице. Гин убивал женщин, чтобы использовать их кожу для поделок. Он послужил также прототипом Нормана Бейтса из знаменитого фильма Альфреда Хичкока «Психо». К сожалению, наша беседа была безрезультатной: возраст и психическая болезнь полностью расстроили мышление Гина. Тем не менее он все еще получал удовольствие от занятий кожевенным ремеслом: делал ремни и бумажники.

В итоге появилась методика интервьюирования, позволяющая увязать преступление как таковое с тем, что происходит в голове убийцы в момент его совершения. Впервые мы получили возможность сопоставить психологическое состояние преступника с оставленными им уликами и тем, что он говорил своей жертве в случае, если она выжила, или делал с ее телом до и после смерти. Как мы часто убеждались, это помогало ответить на извечный вопрос: «Что за человек мог сделать подобное?»

К моменту завершения первого этапа наших собеседований мы уже знали, что за люди способны на подобное. Их мотивы можно было описать тремя словами: манипуляция, доминирование и контроль.

С этих бесед все и началось. Все собранные нами данные и выводы, к которым мы пришли на их основе, книга «Убийство на сексуальной почве», ставшая результатом наших изысканий, созданное нами «Пособие по классифицированию преступлений», пойманные с нашей помощью и переданные суду убийцы - все это началось с того, что мы усаживались за стол напротив убийцы и задавали вопросы о его жизни, чтобы понять, что заставило его лишить жизни другого человека, а иногда и многих людей. Все это стало возможным потому, что мы обратили внимание на не использованный ранее источник знаний - самих преступников.

Ниже мы детально рассмотрим четверых убийц, напротив которых я усаживался уже после своего ухода из Бюро. В беседах с ними я использовал методы, аналогичные разработанным в процессе наших исследований. Эти убийцы разнятся между собой приемами, мотивами, психологией и количеством жертв. Все они становились для меня источниками новых знаний. Различия между ними вызывают безусловный интерес. Но не менее интересны и общие черты. Все они опасные маньяки, не установившие близкие доверительные отношения с другими людьми в процессе формирования своих личностей. И каждый из них представляет собой яркую иллюстрацию к дискуссии по одному из центральных вопросов поведенческого анализа: убийцами рождаются или же становятся в силу особенностей развития?

В ФБР работа моей группы строилась по формуле почему? + как? = кто. Беседуя с осужденными, мы могли пройти этот процесс в обратном порядке. Мы знали кто и что. Сопоставив эти знания, мы получали ответы исключительно важные: как и почему.

Часть I
Кровь агнца

1. Пропала девочка

В 1998 году, отпраздновав 4 июля День независимости, я сел на поезд и поехал на встречу с очередным потенциальным «источником знаний» по имени Джозеф Макгоуэн. Когда-то этот обладатель магистерской степени преподавал химию в старших классах. Но вот уже долгое время он был известен всего лишь как заключенный № 55722 тюрьмы штата Нью-Джерси в городе Трентон.

Макгоуэн лишился свободы, потому что за четверть века до этого совершил изнасилование и особо жестокое убийство семилетней девочки, зашедшей к нему в дом предложить благотворительные печеньки.

Поезд держал путь на север, а я готовился к предстоящему разговору с убийцей. Это нужно делать всегда, но в данном случае это было особенно важно. Наша беседа имела значение далеко не только как источник информации для исследовательских целей. Комиссия штата Нью-Джерси по вопросам условно досрочного освобождения ожидала от меня помощи в решении вопроса о возможности выпуска Макгоуэна на свободу. В этом ему отказывали уже дважды.

В то время председателем комиссии штата по УДО был юрист по имени Эндрю Консовой. Он работал в комиссии с 1989 года, а ее председателем стал как раз в момент, когда

ходатайство Макгоуэна поступило на рассмотрение в третий раз. Услышав радиопередачу с моим участием, Консовой прочитал нашу книгу «Охотник за разумом» и порекомендовал ее исполнительному директору комиссии Роберту Иглзу.

«Помимо прочего, из нее и других ваших книг я уяснил себе, что нужно иметь полную информацию о человеке, разобраться в том, что он собой представляет. Он ведь не новорожденным пересек порог тюрьмы», - вспоминал Консовой впоследствии.

Исходя из этого, он создал при комиссии специальную следственную группу, состоявшую из двух отставных полицейских и исследователя. Их задачей было детальное изучение спорных ходатайств об УДО и предоставление членам комиссии максимально полной информации о претенденте, на основе которой можно было принять то или иное решение. Они-то и попросили меня проконсультировать их по делу Макгоуэна.

Консовой и Иглз встретили меня на станции и отвезли в отель в небольшом живописном городке Ламбертсвилл, стоящем на реке Делавэр. Там Иглз передал мне копию полного досье по делу Макгоуэна.

Вечером мы поужинали втроем, поговорили о моей работе в самых общих чертах, не касаясь деталей дела, в связи с которым я приехал. Мне было сказано лишь, что его фигурант убил семилетнюю девочку и нужно понять, представляет ли он опасность для общества сейчас.

После ужина они подбросили меня до отеля, где я на несколько часов погрузился в изучение досье. Мне предстояло сделать вывод о состоянии психики Макгоуэна - тогда и сейчас. Сознавал ли он характер и последствия своего преступления? Отличает ли хорошее от плохого в принципе? Беспокоит ли его содеянное? Раскаивается ли он хоть как-то?

Как он поведет себя во время беседы? Станет ли вспоминать свое преступление в деталях? Где он собирается жить и что делать, если его выпустят? Как будет зарабатывать на жизнь?

Никогда не приходить на встречу неподготовленным - одно из моих главных правил бесед с заключенными. Кроме того, я не брал с собой записей. Они могли послужить дополнительным барьером между мной и собеседником как раз в момент, когда нужно будет проникнуть в самые глубины его психики.

Я не знал, что именно получу в результате предстоящей беседы, но полагал, что она будет интересной. Из каждого разговора с подобными «экспертами» я извлекал нечто ценное для себя. Оставалось лишь понять, какого рода «экспертными знаниями» может обладать Джозеф Макгоуэн.

Я тщательно изучал содержимое досье и собирался с мыслями в преддверии завтрашнего разговора.

Представшая перед моими глазами история была ужасной. Примерно в 14.45 19 апреля 1973 года (ее мать запомнит этот Великий четверг пасхальной недели навсегда) Джоан Анджела Д'Алессандро заметила машину, припарковавшуюся на правой стороне перекрестка улиц Флоренс-стрит, на которой она жила, и соседней Сент-Ни кол ас Авеню. Джоан и ее старшая сестра Мэри уже заканчивали разносить благотворительное печенье жителям своего тихого района в Хиллсдейле, штат Нью-Джерси. В то время считалось вполне нормальным отпускать детей заниматься этим делом одних. Сестры Д'Алессандро учились в католической школе, и часть своего свободного по случаю религиозного праздника дня они посвятили доставке заказов. Оставался последний на сегодня - для жителей углового дома. Джоан, как обычно, хотела довести порученное дело до конца.

Это была симпатичная, заметная и активная семилетняя девочка, полная энергии и обаяния. Ее по-настоящему увлекало все на свете: школа, балет, рисование, собаки, куклы,

подружки и цветы. Школьная учительница называла Джоан «социальной бабочкой», настолько естественным образом она привлекала к себе внимание окружающих. Ее любимой музыкой была «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена. Она была младшей из троих детей-погодок. Фрэнку, которого все звали Фрэнки, было девять лет, а Мэри - восемь. Как вспоминает Розмари, старшие были посерьезнее, а Джоан - побеспечнее: «Джоан была очень чуткой. Она всегда беспокоилась о чувствах и переживаниях других людей. От природы была храброй».

На фотографиях того периода она практически всегда улыбается. Вот Джоан в своей коричневой школьной форме, оранжевом галстуке и шапочке, из-под которой струятся длинные каштановые волосы. Вот она в черном трико и белых колготках демонстрирует балетное па. Вот Джоан в темно-синем вязаном свитере, как будто только что обернулась на камеру, волосы волнами ниспадают на ее милое личико. Вот она в нарядном светло-голубом платьице присела поправить букетик в руках своей куклы Барби. Разные образы Джоан на этих фото объединяют две черты: ангельская улыбка и невинная притягательность взгляда ее синих глаз. Как сказал один из друзей Фрэнки: «Она была такой простой и искренней. Я бы на ней женился!» Дед-итальянец обожал ее. «E cosi libera! Она такая резвушка!» - любил говорить он. Слыша задорный смех Джоан, Розмари мечтала о том, что, повзрослев, дочь станет выступать на театральных подмостках. С восьмилетнего возраста ее собирались учить игре на фортепиано.

Во второй половине того дня Джоан играла около дома одна: Фрэнки отправился в гости к жившему по соседству другу, а Мэри - на спортивный матч. Неожиданно она заскочила в дом со словами: «Я заметила еще одну машину. Пойду отнесу им печенье!» Схватив лежавший в прихожей рюкзачок

с двумя коробками печенья, она вылетела обратно на улицу: «Пока, мамуль, я сейчас!» Розмари помнит, как развевались забранные в конский хвост волосы Джоан, сбегавшей по ступеням крыльца во двор дома и исчезавшей на улице.

По рассказу соседки, примерно десять минут спустя она услыхала упорный лай своего пса по кличке Бузер. Джоан любила гулять и играть с Бузером, а тот обожал ее.

Розмари не очень обеспокоило то, что дочь не вернулась домой сразу же. «Наверное, она зашла в гости к живущей по соседству подружке Тамаре», - подумала она. В их районе было принято запросто заходить в гости к знакомым, и общительная девочка могла всегда найти себе компанию. Заволновалась Розмари около 16.45, когда к ним пришла учительница музыки, чтобы позаниматься с Мэри, но виду не подала, чтобы ее тревога не передалась детям. В конце концов, их район считался спокойным и безопасным: неподалеку жили пастор и агент ФБР.

Она начала обзванивать соседей. Джоан нигде не было, и никто ее не видел.

Примерно без десяти шесть с работы вернулся муж Розмари Фрэнк Д'Алессандро, и она сообщила ему, что Джоан пропала. Фрэнк работал системным аналитиком и был от природы немногословным и методичным человеком, но Розмари сразу увидела, как он внутренне встревожился и напрягся. «Надо позвонить в полицию», - сказала она ему. Фрэнк согласился и позвонил. Потом он взял с собой Фрэнки и Мэри и отправился объезжать район в поисках Джоан. Они исколесили все окрестности, но не нашли ни ее саму, ни кого-нибудь, кто ее видел. Тогда Розмари решила отправиться на поиски сама. Фрэнк не захотел пойти вместе с ней. Она вспомнила, как, выбегая из дому, Джоан сказала что-то про «еще одну машину» на Сент-Николас-авеню и про то, что хочет отнести туда последние оставшиеся у нее печеньки. Это

Содержание

От авторов 3
Введение: экспертный опыт 5

Часть I
Кровь агнца

1. Пропала девочка 14
2. «Спалось мне хорошо» 25
3. Сознание убийцы 32
4. Резонанс 44
5. Что говорили психиатры 52
6. Ярость бешеная и ярость холодная 63
7. В сухом остатке 82
8. Существенная вероятность 92
9. Наследие Джоан 113

Часть II
«Убийство было для меня делом вполне естественным»

10. В семейном кругу 121
11. Старый «фольксваген» 141
12. В тюрьме 147
13. «Это было просто удобно» 159

Часть III
Ангел смерти

14. Изображая Бога 202
15. «Я совершенно не изменился» 244
16. Падший ангел 263

Часть IV
«Никто меня не заставлял»

17. Убийство в мотосалоне 271
18. Что случилось с Кэлой и Чарли? 278
19. Что двигало Тоддом? 286
20. «К добру ли, к худу ли, а знать я все равно хочу» 299
21. Подготовленные и неподготовленные 318
22. Натура и воспитание 327

Эпилог: собственный выбор убийцы 343
Благодарности 356
Об авторах 358

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ:

КАК В ФБР РАЗОБЛАЧАЮТ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ И МАНЬЯКОВ

(Російською мовою)

Підписано до друку 01.05.2023 р. Формат 60х84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 22,5. Тираж 300 прим.

Видавничий дім « С В А Р О Г »
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

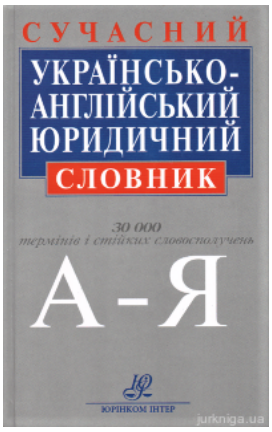
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

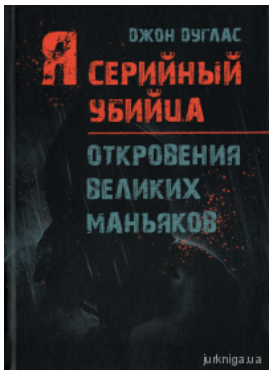
Психологический портрет убийцы. Методики ФБР

Охотники за умами. ФБР против серийных убийц

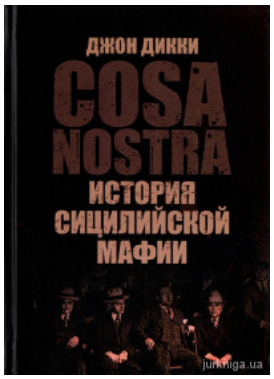
Введение в голландскую юриспруденцию. Гуго Гроций



Сучасний українсько-англійський юридичний словник: близько 30 000 термінів і стійких словосполучень, 2-ге видання



Я - серийный убийца. Откровения великих маньяков



Cosa Nostra. История сицилийской мафии

Перейти до галузі права
Військове право

ЮРКНИГА
від теорії до практики

Перейти на сайт →